

***Ходак Татьяна Александровна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

Учитель - словесник и медицинский психолог в прошлом. Ныне пенсионер с 22-летним стажем и всеми присущими этому статусу профессиями и занятиями.

МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЗОД МОЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Эвакуация детей. Фото из архива Музея истории Ленинграда.

Памяти моих родителей

Мне было пять лет, когда началась война, и девять, когда она окончилась. События этих четырёх лет отложились в моей памяти в содержательных подробностях и, порой, в реальной последовательности. В памяти живо эмоциональное восприятие и переживание этих событий: первый день войны, первая воздушная тревога, жизнь в эвакуации, голод, письма отцу на фронт, ожидание вестей от него; радио, страхи и надежды, с ним связанные; репортажи с фронта, сводки от Советского информбюро; возвращение в Ленинград и, наконец, долгожданный день победы. Помню неодолимое стремление выйти на улицу, невозможность удерживать переполнявшие душу чувства в стенах дома и тайная уверенность в том, что обязательно встречу отца, о котором нам сообщили, что он пропал без вести, выполняя боевое задание. Эта уверенность не покидала меня ещё долгие годы, заставляя с надеждой всматриваться в прохожих мужчин в тёмных плащах с заплечным мешком, - таким я запомнила отца, уходящего на войну. И последний мазок в моей картине войны - колонна пленных немцев на соседней улице. Я с другими детьми несусь туда, прихватив по дороге камень. Я хочу мстить врагу за отца, но, увидев этих оборванных, увечных, обмотанных каким-то немыслимым тряпьем людей, я вдруг почувствовала, что камень жжёт мою руку. Мне захотелось незаметно избавиться от него. Много позже я смогла внятно объяснить себе смысл того, что почувствовала тогда сердцем.

Отец - Ходак Александр Моисеевич

Так в общих чертах вспоминаются мне четыре военных года. Однако в череде военных событий, пережитых мною, есть небольшой, но очень значительный эпизод, который не оставил никаких следов в моей памяти. Узнала я о нём от мамы. А было вот что. В начале июля, видя стремительное продвижение немецких войск к Ленинграду, правительство решило эвакуировать в тыл ленинградских детей. Отец согласился с этим решением, считая, что так мы с братом будем в безопасности, а они с мамой, не беспокоясь за нас, смогут все свои силы отдать делу борьбы с врагом. Мама была против, особенно тогда, когда выяснилось, что повезут детей на запад, в Новгородскую область, т.е. навстречу немцам. Однако доводы отца оказались сильнее, и она подчинилась. Так я пяти с половиной лет и мой полуторагодовалый брат были отправлены в Новгородскую область с детскими учреждениями. На место прибыли почти одновременно с немцами. Вдогонку уже летел приказ о реэвакуации детей в Кировскую и Ярославскую области. Несколько тысяч детей в срочном порядке стали снова грузить в эшелоны. В это время началась бомбёжка. Паровоз и первый вагон были выведены из строя. Воспитатели с детьми какое-то время вынуждены были скрываться в лесу. Раненых отправляли в первую очередь. Остальных вывозили как придётся: на подводах, грузовиках, в товарных вагонах. Родители, кто мог, сами бросились на выручку своих детей. Нас с братом отец отыскал уже в Ярославской области. Брат был при смерти, а я больна дизентерией и коклюшем. Я думаю, только любовью отцу удалось вдохнуть в брата жизнь. Других средств у него тогда не было. Когда мальчик немного окреп, отец повёз нас в Уфу, где уже находилась мама. Она тоже была в отчаянном состоянии. Считая, что мы погибли, она ходила по улице и, обращаясь к прохожим, говорила: "Вы видели мать, которая своими руками бросила детей в лапы Гитлеру?" Даже увидев нас, она не сразу пришла в себя, постепенно убеждаясь, что мы не мираж.

Мама - Ходак Мария Николаевна

Я не раз слышала мамин рассказ об этом. Она повторяла его при мне разным людям. И каждый раз мне не давал покоя вопрос: как могло случиться, что я абсолютно ничего не помню, тогда как помню многое, что этому предшествовало. Позже, став медицинским психологом, я узнала, что хрупкая детская психика обладает свойством самосохранения: защищая себя от непосильных потрясений, она как бы отгораживается от них, выталкивает их глубоко в подсознание, и тогда всё страшное происходит как будто не с тобой. Очевидно, что-то подобное произошло и со мной. Я была болезненным, сугубо домашним ребенком. Уже одно то, что я была вырвана из дома, разлучена с родителями стало для меня тяжёлой травмой, а всё остальное вообще запредельно.

В заключение хочу с горечью признаться, что слушая маму, я всякий раз втайне думала, что всё это так невероятно ужасно, в это невозможно поверить. Наверняка мама несколько сгущает краски. Это так понятно и простительно. Ведь ей столько пришлось пережить.

Мама умерла в 1981 году. А в 1994 году к 50-летию снятия блокады вышла в свет "Блокадная книга" Гранина и Адамовича. В ней есть глава "Первая эвакуация детей". В этой главе я нашла почти дословное, документированное подтверждение маминого рассказа. Так хотелось бы ей об этом сказать!

16.09.2013-25.11.2013